

Архимандрит Савва (Мажуко): Монахи тоже ставят друг другу фингалы

13 ФЕВРАЛЯ 2017 Г.

Мы как-то сидели на праздничной трапезе в монастыре, я стал задавать вопросы братьям: кто о чем мечтает? Наш регент сказал, вздохнув: «Знаешь, Савва, я очень горячо мечтаю погладить по голове волка или лисичку». Валерия Михайлова обсудила с архимандритом Саввой (Мажуко) его новую книгу «Апельсиновые святые» и многое для себя поняла.

Дети, которые не танцуют под музыку

– Интересно, что в книге с бодрым названием «Апельсиновые святые. Записки православного оптимиста» первая и последняя статьи связаны с темой смерти. Это неслучайно?

– Так получилось, что все три книги, которые я выпускал, редактировали без меня. Я писал только тексты, а что с ними дальше происходило – это уже политика издателей. Так что, когда я увидел, что я – оптимист, то долго смеялся! Потому что я не оптимист совсем. Я реалист, скорее.

– Почему?

– Потому что оптимизм – это некоторая крайность, как и пессимизм, а жизнь в своей цельности протекает где-то в другом месте. Может быть, вы со мной согласитесь, если я скажу, что настоящее произведение искусства – в кино или в литературе – трогает тогда, когда сюжет складывается на грани слез и смеха, когда высвечивают что-то настоящее. Настоящая реальность там, где предел трагичного и комичного. Где-то они сходятся, и на стыке этих двух векторов появляется то, что по-настоящему трогает. Да, жизнь трагична, мы все умрем, это закон. Мы все это знаем. И это прекрасно!

– Я знаю многих людей, которые просто об этом не думают, закрывают глаза на смерть и страдания и прекрасно живут.

– Я думаю, что в таком случае человек сам себя ограничивает. Зачем себя ограничивать в таком интереснейшем опыте, прекрасном опыте? Как раз на этом обрыве себя проявляют самые глубинные человеческие интуиции, самые подлинные, понимаете? Если ты живешь очень комфортной жизнью, прячешься от боли и от радости, ты себя чего-то очень важного лишаешь.

– Для чего от радости-то прятаться?

– А мы ведь радости тоже боимся, радости в полный голос, это нам тоже недоступно. Совсем недавно у нас был праздник для детей из малообеспеченных семей, мы на Рождество его всегда устраиваем. Делали небольшой концерт для малышей, и меня

удивило, что, когда играла музыка, очень веселая, дети не танцевали...

– Сколько им было лет?

– Первый – шестой класс – такая «разбежка». Они не танцевали, потому что они уже немножко покалечены школой. Ведь это так здорово, когда играет музыка, и человек сразу начинает танцевать! Я вчера шел на презентацию книги, и на пешеходном переходе мы ждали зеленого света светофора, а вдали играл живой оркестр – выдували медь, терзали барабаны. «Очи черные», как сейчас помню, играли. И девушка прямо на пешеходном переходе, ожидая зеленого света, принялась танцевать. Это было так здорово! Если бы я не носил подрясник, я бы тоже танцевал.

Так что мне было обидно за тех деток, потому что никто из взрослых не показал им, что можно танцевать.

– Почему существует этот запрет, на Ваш взгляд – запрет на выражение эмоций, на радость, на горе?

– Потому что мы живем в тесном мире. Вы знаете, на самом деле человеку нужно очень много места, а мы вынуждены себя ограничивать, потому что мы живем в маленьких квартирках, домах, ездим в тесном транспорте, носим тесную одежду. Чем мне нравится священническая одежда – она широкая, как будто в штору завернулся, в этом есть какой-то простор. С одной стороны, это какое-то ограничение, с другой стороны, тебе это позволяет сделать широкий шаг что ли, и широкий жест. Я не думаю, что закрытость людей в больших городах – это какая-то трагедия. Это просто зарисовка из нашей реальности...

Но мне кажется, самые подлинные чувства, самые яркие, то самое здоровое неистовство, в котором прекрасен человек, оно высвечивается только в трагические минуты жизни или же – в очень радостные.

Эти крайние точки спектра – их не нужно бояться, тем более, что никто из нас их не избежит. Вуди Аллен говорил: «Я смерти не боюсь, просто я хотел бы в этот момент отсутствовать». Конечно, это каламбур, но, с другой стороны, я считаю, что надо присутствовать! Потому что смерть – это часть моей биографии, и это нужно пережить.

Конечно, хорошо такое говорить, когда ты здоров, и тебе кажется, будто у тебя еще есть очень много времени

Знаете, мы постоянно проводим на большие праздники Литургию для наших инвалидов, детей-инвалидов. Она всегда совершается в будний день, когда в церкви практически нет людей. И вот представьте, вся церковь наполняется покалеченными детками: кто-то

не умеет разговаривать, у кого-то ДЦП, у кого-то аутизм, кто-то дергается, кто-то на колясочке – ходить не может. Вот они с родителями приезжают, и весь храм – в этих детках и в этих родителях.

Вы знаете, для меня это всегда откровение. Я люблюсь, глядя на родителей и на детей, потому что им не нужно одергивать себя и рефлексировать по поводу тех людей, которые стоят рядом, оправдывать себя как-то или же стыдиться своего ребенка, стыдиться его болезни. Они здесь совершенно открыты, они среди своих, они с таким восторгом смотрят на своих детей, с таким восхищением! Эти мамы по-настоящему гордятся своими детьми. Ребенок, который не может два слова сказать нормально, но она им гордится, она счастлива, что он есть! Он есть – и для нее это бескрайне много.

Простые люди ближе к жизни

– Любой человек, глядя на таких деток, глядя на безвинные страдания, наверное, хотя бы раз в жизни задавался вопросом: «Господи, как же так?». Вам приходилось когда-нибудь сомневаться в Боге?

– Нет, у меня никогда таких проблем, честно говоря, не было, потому что воспитывался я среди очень простых людей. Я вырос в районе, который у нас называется Сельмаш – это заводской район, бандитский. И периодически выступаю в роли переводчика между двумя разными мирами – миром интеллигенции, рафинированной, и миром этих простых заводских людей, которые не понимают трагизма и проблем, которыми мучаются интеллектуалы и «изошренцы», как мы их называем – люди, которые привыкли к каким-то высоким эстетским образцам. С другой стороны, интеллектуалы не понимают, чем мучаются эти простые люди!

Вы знаете, я просто видел, как моя бабушка или прабабушка, мама, дедушка, отец реагировали на какие-то жизненные сложности, на болезни и так далее – я никогда не видел ни примеси ропота или какого-то протеста. Люди принимали тяжелые обстоятельства как должное, потому что это жизнь. У кого-то должны рождаться такие дети – значит, у меня родился. Здесь есть какая-то очень мудрая простота, мне кажется.

– Получается, простые люди ближе к жизни?

– Да, вы правильно сказали, они ближе к жизни. Эти простые люди, особенно люди, которые знали бедность и голод, они очень ценят само то, что они живы. Сам факт. С этого факта, с переживания того, что ты жив, начинается любая философия.

Я недавно читал о Николае Рыбникове – это один из моих любимых советских актеров. Помните, «Весна на Заречной улице», «Девушка без адреса»? Он поет знаменитую песню: «Когда весна придет, не знаю...». Так вот его в 11 лет с мамой эвакуировали, в 1941 году, в безопасный город Сталинград... Никто тогда не знал, чем это закончится. И когда город поливали огнем, жители просто хаотично переправлялись через реку, кто как мог. Этот 11-летний мальчик, который не умел плавать, хватался за борта лодок, ему отбили руки, пытались его отцепить, потому что лодки были перегружены, но он все равно цеплялся, держался и как-то переплыл реку.

Меня потрясла его фраза, когда он вспоминал об этом событии. Он говорил, что после этой переправы его так распирает жажда жизни, что он не может никак надышаться, нажиться никак не может! Это признание дорогого стоит.

Мне кажется, Господь иной раз нас одергивает, чтобы мы бросили гоняться за иллюзиями, за такими, как карьера, деньги, признание, слава, а пережили сам факт того, что мы живы.

Простые люди, которые кожей переживают, что живут, они, может быть, не способны это отрефлексировать, но они в восторге от этого!

Замечательный французский писатель Эрик-Эммануэль Шмитт недавно издал книгу очень исповедального характера. Может быть, в литературном отношении она слабая, но... просто я всегда подозревал, что он – христианин! В этой книге он говорит о том, как обрел веру. От своей праздной парижской жизни он решил предаться экстремальному туризму и уехал в Сахару на экскурсию. И там заблудился, отбившись от их экспедиции... Он сутки с небольшим провел один среди песка и неба и в этом ужасе он обрел Бога. И вот этот писатель тоже признается, что его биография началась с момента, когда он в детстве начал задумываться и вдруг пережил открытие о том, что он жив. Мне кажется, нужно держаться за это – за то, что ты жив, за то, что кто-то жив.

Знаете, чем нас утешает христианство? Тем, что если ты жив, то это уже навсегда, с этим ничего никогда не поделаешь!

Даже если жизнь твоя трагична, даже если случаются какие-то жуткие эпизоды, ты все равно жив. И это настолько много, что к этому уже ничего нельзя прибавить. Какова будет эта жизнь, будет в ней много счастья, радости, веселья или нет – это, на самом деле, даже по сравнению с самим фактом жизни не так уж и значительно.

– Как вам кажется, а как нам, «рафинированным интеллигентам», вернуться к этой простоте? В Сахару же не каждый поедет, правда?

– Надо делать. Открытие, которое я в своей жизни совершил совсем недавно – нужно делать. Мы постоянно думаем, колеблемся, что-то решаем, а нужно что-то начать

делать. Одна моя приятельница как-то написала мне в письме: «Сидела на Новый год грустная-грустная и думала, что это был за год такой – и здесь у меня не сложилось, и там я обожглась, и то не срослось. Сидела, клевала носом в салат, чуть ли не капая слезой в шампанское. И тут до меня дошло: если хочешь порадоваться, порадуй другого! Пошла в соседнюю комнату, переоделась Бабой Ягой, пририсовала себе румяна, повязалась платком, зашла и разыграла целую сценку со своими близкими и родными. И превратила этот, казалось бы, грустный и одинокий вечер в фонтан радости». Понимаете, надо делать!

Я как-то сделал это открытие: мне легче начинает дышаться, когда я подарки людям делаю. Можно, конечно, и творчеством каким-то заняться, для себя, но хорошо, если это – для кого-то. Если еще и с кем-то... Потому что все самые красивые вещи с нами случаются, когда мы что-то делаем.

Самая крепкая дружба начинается... с драки

– Есть такое суждение: что человек всегда один. Что бы мы для других ни делали, с кем бы ни дружили, мы одни – на каком-то глубинном уровне всегда остаются только человек и Господь. Согласны?

– Нет, не согласен. Человек никогда не один. Одиночество – это, чаще всего, изнанка тоски по одиночеству. Рильке одной из своих возлюбленных писал как-то: «Мне хочется

стать ежиком, свернуть лицо полностью и глядеть только в самого себя и никому его не показывать». Но это никогда не получается, всегда присутствуют какие-то люди, пусть даже портреты людей.

Мне кажется, человечество – это единый организм, и ты от него никуда не денешься. Может быть, мы страдаем от одиночества именно потому, что нам хочется как-то уединиться, но это никогда не получается, ведь каждый человек тянет за собой целый шлейф других людей.

– Вот человек приходит домой после работы, он один, сидит и грустит – какое ему дело до человечества?

– Я скажу простую очень вещь – надо молиться. Знаете, я себя сам, например, заставляю. Когда иду по улице или смотрю новости, всегда к этой новости или к этому событию стараюсь привязывать молитву о человеке, который в нем участвует. Когда ты молишься за другого человека, ты начинаешь ощущать кожей, что вы – одно. Вы идете по улице, видите, как поехала Скорая помощь, и говорите про себя: «Господи, помоги больному, помоги врачу», – и это уже не чужие для вас люди.

– Монашество – оно об одиночестве? О ёжике, который сворачивается, чтоб никто не мешал?

– Нет. В монашеских книгах такой парадокс встречается, в «Добротолубии», например – чем больше монах удаляет себя от мира, тем ближе он к нему. Мне кажется, святые люди, чем больше они молятся и себя ощущают, тем больше начинают чувствовать других людей. Отсюда дар прозорливости, например, он ведь от кожи!

Помните, у Заболоцкого стихотворение есть про некрасивую девочку? Он восхищается этой девочкой – некрасивой, рыженькой, в драном платьишке. Она видит, как двум мальчикам отец подарил велосипед, и ликует, смеется, переживая эту их радость, как свою. И Заболоцкий в конце говорит:

А если это так, то что есть красота

И почему её обожествляют люди?

Сосуд она, в котором пустота,

Или огонь, мерцающий в сосуде?

Когда чужая радость переживается, как своя, у тебя нет барьера собственности. Мне кажется, святые люди, всё больше приближаясь к Богу, понимают, что всё – наше, всё – мое. И я чей-то, и не только Божий, и ваш. «Искренне ваш» – это, значит, буквально нужно понимать.

– Звучит прекрасно, а почему все так не могут?

– Трусость у нас, мы боимся – боимся дружить, боимся любить.

Любая дружба и любовь, например, для меня – это всегда разновидность борьбы. Я вообще считаю, что самая крепкая дружба наверняка должна начинаться с драки, как и самая крепкая любовь.

– Борьба с чем, с кем?

– Это борьба не агрессивная, а тут, скорее, спортивный азарт, понимаете? Когда вы читаете книгу, вы сражаетесь с автором. Вы вступаете в единоборство, например, с Львом Толстым, вцепляетесь в его бороду, пытаетесь ее выдернуть, то есть понять, что он хочет сказать. Понимание – это тоже разновидность борьбы, и тут автор меня кладет на лопатки. Я пять раз читал «Анну Каренину» и никак не мог дочитать до конца, бросал этот толстый том! В конце концов, на шестой раз я прочел роман на одном дыхании, что-то до меня дошло, что-то случилось. Я этот спарринг выиграл, мне кажется.

– А что значит борьба в дружбе?

– В дружбе – то же самое. Мы постоянно должны совершать усилия, чтобы дружбу свою подтвердить. Усилия состоят в том, что мы знакомимся каждый раз, когда мы встречаем этого человека. И то же самое в семье. Почему супругам нужно быть почаще вместе, ни в коем случае надолго не разлучаться, не отпускать друг от друга, потому что каждое утро жена знакомится со своим мужем, а муж – со своей женой. Кстати, с воспитанием детей то же самое. С детьми вы сражаетесь – кто кого!

– Как же Сент-Экзюпери? Который писал, что любовь – это когда вы смотрите в одну сторону, а вовсе не когда деретесь...

– Жена заставляет мужа смотреть в одну сторону, муж ее в другую, и – кто кого! В конце концов, появится та самая сторона, куда им обоим нужно смотреть. Василий

Архимандрит Савва (Мажуко): Монахи тоже ставят друг другу фингалы

Автор: Admin

13.02.2017 11:50 - Обновлено 13.02.2017 11:58

Розанов говорил, что на самом деле девушка только наполовину сделана своими родителями, всё остальное доделывает муж. То же самое справедливо в отношении мужчины – мужчину делает жена в браке. Это борьба!

Как скульптор... Знаете, как Микеланджело говорил: «Я беру кусок мрамора и отсекаю всё лишнее». Это большое усилие – с камнем работать, превратить его во что-то изящное, придать ему форму очень тяжело. В браке именно это и происходит: жена лепит что-то из мужа, муж что-то из жены, и в конце концов, получается нечто прекрасное.

Человек никогда не один, он всегда с кем-то «в браке». Монашество – это тоже брак, только это брак, заключенный с общиной.

Монашеская община – это и есть моя семья, и там тоже бывает. Монахи тоже друг другу фингалы иногда ставят. Вы что думали? У меня перед глазами эпизод из нашей монашеской жизни, когда один архимандрит за иеромонахом с палкой гоняется вокруг стога сена, а иеродиакон их разнимает. Вот тебе и борьба...

Мечта: погладить лисичку

– Отец Савва, Вы мечтали стать священником в детстве?

– Нет. Я много кем хотел быть. А когда начал ходить в церковь, я не мечтал стать священником, я просто знал, что я им стану. Это очень странно, но это так.

Недавнее сделал потрясающее открытие, до сих пор его переживаю. Мы как-то сидели на праздничной трапезе в монастыре, я стал задавать вопросы братьям: кто о чем мечтает? Наш регент сказал, вздохнув: «Знаешь, Савва, я очень горячо мечтаю погладить по голове волка или лисичку».

Человеку 60 лет, и он мечтает только об одном: чтобы погладить по голове волка! Это для меня было настоящее откровение. Я и себе задавал этот вопрос и понял, что я ни о чем мечтаю, это меня даже как-то испугало. У меня как-то всё есть, причем очень давно, мне нечего даже просить – всё, что мне нужно, у меня есть. Поэтому стать священником я не мечтал.

– Вы часто сталкиваетесь с людскими претензиями к Церкви, обращенными именно к Вам как к священнику?

– Бывает. Я недавно ехал из Москвы в Гомель, и на меня напало не только наше купе, но и с боковушки тоже на меня напали. Хотели, чтобы я дал ответ, почему попы ездят на мерседесах. Я говорю: «Ребята, я с вами еду в плацкарте на верхней полке. Какие ко мне претензии? У меня даже машины нет». Но нет – дай ответ, пожалуйста.

Чаще всего, когда люди начинают высказывать подобные претензии, ответ они услышать не хотят. Просто им хочется, например, свою обиду высказать или на кого-то возложить вину. Иногда эти претензии к священникам прикрывают элементарную зависть или распущенность – это честно так: люди просто завидуют, видя священника, например, на хорошей машине. Просто завидуют. Почему-то считается, что священнику можно хамить, например. Одним словом, все проблемы от распущенности и невоспитанности.

– Случается, человек видит такие нестроения в Церкви, и это его отталкивает... Вот и в Вашей книге, например, есть статья о епископах, о злоупотреблении властью и конфликтах. Человек церковный должен на такие вещи закрывать глаза?

– Не стоит обобщать. Мы же просто люди, мы всего лишь люди. Священник может быть твоим соседом, он может заезжать в твой магазин, покупать кефир и стоять в очереди рядом с тобой, у него может быть гастрит или язва желудка, или сахарный диабет. Это всего лишь люди.

Зачем это всё? Причина осуждения – еще в нашей дикости. Мы живем в нерелигиозной стране. Мы – дикий народ. Может быть, это в Белоруссии больше чувствуется, чем в России, потому что Белоруссия была самой атеистической республикой. Мы пока еще не доросли до культуры дискуссии – вот в чем проблема! Может быть, епископы и высшее духовенство готовы обсуждать многие болезненные вещи, но в культурном плане, в цивилизационном мы не готовы.

Понимаете, Церкви сейчас не хватает именно цивилизованности. Ведь что такое цивилизованность? Это набор устоявшихся механизмов, которые помогают закрывать болевые точки, проблемы. Например, есть некие вопросы, связанные с церковными финансами – очень болевая точка. Конвертики, разные налоги, отчисления, несправедливые какие-то претензии. Здесь не нужно ломиться в открытую дверь. Есть уже выработанные в других церквях или в светских учреждениях механизмы, которые позволяют следить за финансами. Их просто нужно внедрять.

Проблема еще и в том, что у нас дискуссия превращается, чаще всего, во взаимные оскорбления и ругань. Есть у вас в России дискуссионный клуб «Валдай» – то, что я читал о нем, меня очень впечатлило. Вот нам нужен церковный «Валдай»! Не официоз, когда выходит епископ или архимандрит и читает доклад, а все остальные дремлют, начиная со второго ряда и даже в президиуме, а живая дискуссия, очень откровенная.

А у нас пока – если человек с тобой не согласен, нужно непременно анафему на него возложить почему-то...

Сколько стоит освятить квартиру?

– Соблюдать жесткие правила и предавать анафеме тех, кто их не соблюдает, может быть, просто легче?..

– Я думаю, не все просто склонны к такой сознательной, свободной церковной жизни. Просто не у всех присутствует этот талант, поэтому за всю остальную общину свободным быть приходится какой-то небольшой группе людей – так всегда было и будет. Меня иногда спрашивают просто как священника, которого приглашают, например, отпеть человека или освятить квартиру: «Сколько это будет стоить?» Это очень простой вопрос и очень болезненный, потому что людям, которые спрашивают, удобнее знать точную цену – им так просто удобнее. Они не знают, как себя правильно поставить, они не хотят обидеть священника. Я обычно отшучиваюсь и говорю по-белорусски: «Усі гроші з кошельком». Да, просто шучу! Хотя у меня был один такой эпизод, когда мне так их и отдали – все деньги с кошельком вместе. Просто жуть!...

– Как Вам кажется, Христос для нас, для наших народов, для православных людей – на первом месте? Или на первом, скорее, обряды, освящение квартир, машин?

– Конечно, Христос. Да, может быть, люди охотнее читают жития святых, чем Евангелие. Но, мне кажется, это – благоговение.

Я, например, давно мечтаю написать книгу о Христе. Нет, я не мечтаю... Я не дерзаю мечтать об этом, но просто если бы мне однажды это удалось сделать, это было бы, наверное, чем-то чудесным. Но я не смею просто, понимаете, потому что это нечто святое, настолько глубоко интимное, что мы даже в речи это не поминаем.

Мне кажется, дело именно в этом. Не в том, что мы язычники, как иногда это представляют, что нам святые ближе, чем Бог, и так далее. Святые действительно нам ближе, ведь они просто люди, а Христос – это Тот, Кто тебя придумал. Это настолько головокружительное ощущение, что я даже не знаю, что и сказать!

Меня как-то попросили написать рецензию на книгу митрополита Саратовского Лонгина, на обложке этой книги был изображен Христос. Вы знаете, я всегда очень благоговеею перед этим изображением, для меня очень дорогим, – Христа Синайского.

– *Синайский Спас?*

– Да, Синайский Спас – это что-то, знаете, совершенно немыслимое. У себя в келье я не держу это изображение, именно потому что для меня оно слишком дорого. Для меня это настолько дорого, что я не хочу это видеть. Мне достаточно было увидеть эту икону один раз.

Я помню, как владыка Аристарх – это наш епископ, ныне покойный – который читал мои статьи и постоянно меня критиковал, вот он, прочитав рецензию на книгу владыки Лонгина, сказал: «Это очень нехорошо, что на обложку книги помещают изображение Христа». Владыка Аристарх был очень простой человек, из крестьян, но в то же время – воспитанник Троице-Сергиевой Лавры. И для него это что-то немыслимое – поместить изображение Христа на обложку книги.

Мне кажется, наши люди именно такие. Они не язычники, просто Христос им настолько дорог, что они хранят в сердце Его образ, потому что выдержать свое присутствие перед взором Христа – не всякому это под силу...

Конечно, Христос – в центре нашего мироощущения. Но это та интимная область какой-то подлинной глубины, куда мы не всегда пускаем даже наших духовников, может быть...

Я помню, беседовал с одним своим учеником, студентом, и рассказал ему о священнике, который отрекся от сана, заявив, что он не верит в божество Христа и даже в Его реальность. Меня этот парнишка поразил тем, что он сказал в ответ (хотя он не отличается особой религиозностью, но он верующий человек): «Как же так можно было сказать?! Ведь то, что Бог есть – это гораздо реальнее, чем то, что я есть».

Еще есть один момент. У нас нет языка для разговора о Христе. Это особенность нашей православной речи – мы не умеем говорить о Боге. И, может быть, и не стоит.

Все, что связано с подлинным, оно всегда невыразимо. Тут уместен, скорее, жест. Апостол Павел говорит о том, что Сам Дух Святой ходатайствует за нас вздыханиями неизреченными. Христос именно там, где вздыхания неизглаголанные. Он именно там находится...

Поэтому не говорите, что наш народ не любит Христа, нет, мы только им и живем! Да, это именно так.

Проще младенческого лепета...

– У Вас есть какие-то любимые места из Евангелия, которые особенно трогают?

– Таких очень много. Я скажу честно, что Евангелие – это книга, которую я боюсь читать. Для меня это всегда – подвиг. Сегодня утром я открывал Евангелие, и всегда это для меня определенное усилие. Оно связано не с тем, что я себя заставляю как-то... Просто это – событие, я так скажу.

Меня особенно трогает Евангелие от Марка: там есть вещи, которых у других евангелистов вы, наверное, не встретите – такие детали человечности Христа, которые просто меня иногда доводили до какого-то онемения, даже не минутного.

Например, Христос молится над дочерью Иаира, он воскрешает ее из мертвых, совершив это эпическое чудо, совершенно потрясающее, невысказанное, ни с чем не сравнимое, и потом говорит: «Вы же дайте ей кушать, вы же покормите девчонку». Это настолько трогательно!

Или в том же Евангелии от Марка ученики принимают людей – такая странная деталь, что у апостолов тоже были такие «приемные часы», и когда они устали от людей, Христос им говорит: «Идите, отдохните, потому что вы целый день трудились, целый день были на людях, вам нужен отдых». Понимаете, это человеческое участие, оно меня

очень сильно трогает.

Или вот почему Христос умножает хлеба? В Евангелии от Марка есть, опять же, маленькая оговорка – Он, увидев людей, сжалился над ними: «Они же не кушали». Понимаете, это настолько по-человечески!

Есть замечательный фильм, по-моему, начала 60-х годов – «Дом, в котором я живу», там еще снимался актер Земляникин. Фильм потрясающий, я его очень люблю! Еще в детстве меня потрясла там одна сцена, когда парень, которого играет Земляникин, приходит с фронта в отпуск, узнает, что его девушка любимая – здесь, в соседней квартире. И он бежит ее навестить, а она от бессилия даже не может открыть ему дверь. Он прибегает домой, хватается банку консервов, маме говорит: «Мама, она же голодная!» Это такая фраза, и она так сказана! Это может, наверное, понять человек, который пережил голод другого, как свой собственный.

Христос, когда он переживает за девочку, которая не кушала, или за уставших учеников или голодных людей... Такое ощущение, что Он сам этот голод сейчас пережил намного ярче, чем их собственный голод и немощь, их усталость. Если говорить о Христе, Кто Он и какой – вот Он такой. Разве можно найти какие-то подходящие слова, чтобы что-то еще к этому добавить? Понимаете, если говоришь о Нем, то нужно говорить очень простые вещи. Евангелие именно таково – оно очень простое. Эта простота даже иногда пугает, потому что оно гораздо мудрее любой философии, любых Гуссерлей и Хайдеггеров. И в то же самое время, оно проще младенческого лепета – именно в этом его подлинность и глубина, которая пугает и делает немым.

– Вы упомянули о «единоборстве» с Толстым. А единоборство с Евангелием – возможно?

– Это особая книга... Евангелие – книга, которая тебя всегда кладет на лопатки! И все равно ты вступаешь с ней в единоборство, зная, что проиграешь. Но это очень хороший проигрыш, светлый, радостный проигрыш, радостный провал. Обнадеживающий провал!

Беседовала Валерия Михайлова

<http://www.pravmir.ru>